

На правах рукописи

Бедерсон Всеволод Дмитриевич

**ПЕРСОНАЛИСТСКИЕ ОБРАЗЫ КАК РЕСУРС ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Казань 2016

Работа выполнена в Отделе философии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт философии и права Уральского отделения Российской Академии Наук»

Научный руководитель: доктор политических наук, профессор, заведующий отделом по изучению политических процессов и институтов Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Пермский научный центр Уральского отделения Российской Академии Наук»

Подвинцев Олег Борисович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики Института истории и политических наук ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Богомяков Владимир Геннадьевич

кандидат политических наук, доцент кафедры социальной и политической конфликтологии ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»

Мурзина Диляра Шамилевна

Ведущая организация: ФГБУН «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук» (ИМЭМО РАН)

Защита диссертации состоится «14» октября 2016 года в 14.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.081.34 при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 35, ауд. 1608.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 35. Электронная версия автореферата размещена на официальных сайтах Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (<http://vak.ed.gov.ru>) и на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета (<http://www.kpfu.ru>).

Автореферат разослан « » _____ 2016 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.081.34,
кандидат исторических наук, доцент

В.Ю. Дубровин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Академический интерес к проблематике региональной идентичности в контексте постсоветских реалий часто в литературе объясняется двумя ключевыми причинами: 1) процессами глобализации и глокализации, которые влияют на состояние современных (национальных) государств, трансформируя отношения государств и граждан, выводя на первый план локальные идентичности сообществ (communities); 2) процессами реидентификации и поиском новых оснований для идентичности в место «идеологического вакуума» постсоветских стран. В последние несколько лет федеральный центр предпринимает новые попытки конструирования и структурирования общенациональной идентичности, попытки поиска тех идентификаторов-оснований, которые могли бы быть «узловыми» для новой российской «самости». Определенным триггером в этом направлении стало выступление В.В. Путина на заседании клуба «Валдай»¹, где Путин «призвал к обретению и укреплению национальной идентичности»². Данное событие стало символическим сигналом отдельным сегментам элит и общества о том, что дискурс нациостроительства легитимен. В этой связи особо интересно понять, как эта новая волна актуализации оснований для современного нациостроительства, запущенная федеральным центром, была отражена региональными политическими элитами, какой стала их политика идентичности в отношении своих регионов.

Также представляется аналитически важным говорить о региональной идентичности с точки зрения политологического исследования с таким подходом, который совмещает в себе инструментальное отношение к идентичности, но учитывает при этом символические стратегии агентов идентичности и дискурсивную природу идентификаторов: понимание символической природы идентичности регионов будет бессмысленно, если не будет ясна политическая рациональность конструирования именно такой версии идентичности. Такое комплексное отношение к региональным политическим идентичностям представляется нам крайне актуальным для обогащения аналитического аппарата современной российской политической науки.

Степень научной разработанности темы. Анализ литературы по теме настоящего диссертационного исследования позволяет выделить несколько направлений.

В научный оборот социальных дисциплин сам термин «идентичность» ввели психологи, например, Э. Эриксон, П. Берке, Дж. Тернер³, которые предложили психологические трактовки отражения индивидуальными характеристиками социальных детерминант. Данные психологические работы породили длительную академическую дискуссию о «точке отсчета» или природе идентичности, заложив данную категорию в дихотомию «индивидуальное-групповое». Отдельно необходимо назвать методологически важную работу П. Бергера и Т. Лукмана⁴, в которой концепт

¹ См., например: Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай»: стенограммам заседания / ФГБУ «Редакция «Российской газеты». Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>; Анализ выступления Путина на закрытии Валдайского клуба: подробный текст / «Спутник и Погром». Режим доступа: http://sputnikipogrom.com/russia/4737/putin_valday_goodbye/#.VEo71YusUoM; Минин С. Россия без идентичности: Президент Путин призвал срочно заняться поиском национальной идеи / Независимая газета. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html и др.

² Акопов П. Валдай после Мюнхена: Владимир Путин призвал к обретению и укреплению национальной идентичности / ООО Деловая газета «Взгляд». Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2013/9/20/651345.html>.

³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М., 1996. – 352 с.; Turner J, The experimental social psychology of intergroup behaviour//Intergroup Behaviour/Eds J. Turner, H. Giles. Oxford, 1981. P. 66-101; Burke P.J., Stryker Sh. The Past, Present and Future of an Identity Theory // Social Psychology Quarterly. – 2000. – Vol. 63. – No. 4. – P. 284-297; Burke P.J., Stets J. Identity Theory and Social Identity Theory // Social Psychology Quarterly. – 2000. – Vol. 63. – No. 3. – P. 224-237.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.

идентичности с конструктивистской точки зрения является ключевым для создания сообщества, продуцирования коллективных форм деятельности. В современной социологической и политологической литературе, как зарубежной (Э. Смит, Г. Хейл, Дж. Нагель, М. Сонг, Дж. Финни)⁵, так и отечественной (В.А. Тишков, Л.М. Дробижина, В.С. Малахов, Э.А. Паин, З.А. Жаде, А.Ю. Шадже и др.)⁶, по вопросу соотношения этнической и территориальной идентичности не сложилось единого, однако авторы сходятся во мнении, что этничность есть частный случай проявления идентичности: личной (персональной) или же групповой. Стоит отметить, что часть авторов, таких как, например, Р. Брубейкер и Ф. Купер⁷, высказываются в пользу того, что в категория «идентичность» утратила значимость и должна быть заменена более частными и точными категориями. Среди работ, на которые опирается диссертационное исследование, необходимо назвать труды географов Б.Б. Родомана, Л.В. Смирнягина, В.Л. Каганского, М.С. Крылова, А.А. Гриценко, Д.Н. Замятина, Н.Ю. Замятиной, И.А. Митина⁸, социологов Л.Д. Гудкова, В.А. Ядова, Н.А. Шматко⁹ и исследования, прямо посвященные политическому измерению идентичности и соотнесению между собой феноменов «политическое» и «идентичность»: С. Роккана, Д. Урвина, И.С. Семенов, В.В. Лапкина, В.И. Пантина, О.Ю. Малиновой, Г.Я. Миненкова, П.В. Панова, Л.А. Фадеевой, И.Н. Тимофеева, О.В. Поповой, М.В. Назукиной¹⁰.

⁵ Smith A.D. *The ethnic origins of nations*. Oxford, 1986. 332 p.; Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.; Nagel J. *Constructing ethnicity: Creating and recreating ethnic identity and culture // Social problems*. – 1994. – P. 152-176; Song M. *Choosing ethnic identity*. Cambridge, 2003. P. __; Phinney J.S. *The multigroup ethnic identity measure a new scale for use with diverse groups // Journal of adolescent research*. – 1992. – Vol. 7. – No. 2. – P. 156-176; Phinney J.S., Chavira V. *Ethnic identity and self-esteem: An exploratory longitudinal study // Journal of adolescence*. – 1992. – Vol. 15. – No. 3. – P. 271-281.

⁶ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. 240 с.; Дробижина Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // *Безопасность Евразии*. – 2003. – № 2. – С. 208-227; Дробижина Л.М., Лебедева Н.М., Щербаков А.В. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность. *Foresight*, 2013. С. 327; Жаде З.А. «Этничность» и «этническая идентичность»: концептуальный анализ понятий // *Общество и право*. – Краснодар, 2006. – № 3. – С. 66-72; Малахов В.С. Понаехали тут: очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме // *Новое литературное обозрение*. – 2007. 200 с.

⁷ Врубейкер Р., Коопер Ф. *Beyond “Identity” // Theory and Society*. – 2000. – Vol. 29. – No 1.

⁸ Родоман Б.Б. Внутренний колониализм в современной России / Куда идёт Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 94-102; Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. – 2007. – № 17. – С. 21-49; Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М., 2001. – С. 24-43; Крылов М.П. Региональная идентичность в европейской России. М., 2010. – 240 с.; Гриценко А.А., Крылов М.П. Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины // *Журнал «Культурная и гуманитарная география»*. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 126-140; Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // *Социологическое обозрение*. – 2010. – Т. 9. – № 3. – С. 26-50; Замятина Н.Ю. «Гений места» и развитие территории (на примере уроженца г. Хвалынска – художника К.С. Петрова-Водкина) // *Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах / отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин*. – 2010. – Вып. 6. – С. 71-88; Митин И.И. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // *Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах*. – 2006. – № 3. – С. 64-82.

⁹ Гудков Л. Негативная идентичность: статьи 1997-2002 годов. М., 2004. 816 с.; Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // *Социологические исследования*. – 2004. – № 10. – С. 27-30; Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // *Социологический журнал*. – 1994. – № 1. – С. 35-52; *Социальная идентичность и изменение ценностного сознания в кризисном обществе / под ред. Н. Шматко*. М., 1992. 240 с.

¹⁰ Роккан С., Урвин Д.В. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // *Логос*. – 2003. – № 6 (40). – С. 117-132; Семенов И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // *Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции ИМЭМО РАН*. – М. – 2010. – С. 8-13; Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация рационально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 1. – С. 52-63; Малинова О.Ю.

Во-вторых, следует назвать литературу, посвященную изучению политики идентичности как особого политического феномена, преломляющего идентичность в политическое пространство, как важной переменной политического процесса. Об этом – исследования таких авторов, как Г.Я. Миненков, И.С. Семенов, Е.Ю. Цумарова, а также следует назвать две коллективные монографии с похожими названиями, наиболее подробным образом раскрывающие суть политической природы идентичности и объясняющие механизмы политики идентичности: «Политическая идентичность и политика идентичности» (в 2-х томах) и «Политическая идентичность и политика идентичности: очерки»¹¹.

В-третьих, необходимо упомянуть литературу, посвященную анализу персонифицированного в социально-политическом контексте. Работ, рассматривающих политическое под персонифицированным углом, с одной стороны, немало: это, в первую очередь, исследования политического лидерства и политико-психологических аспектов массового восприятия политических деятелей (Ж. Блондель, Н. Пуцилин, Н.Г. Щербинина, Е.Б. Шестопа и др.)¹², а также отдельные важные исследования политического лидерства в актуальном российском региональном разрезе (С.Е. Гржейщак, К.С. Идиатуллина)¹³, с другой стороны, «персональный» ракурс политологами практически не исследован на материалах политико-символических процессов и процессов конструирования идентичности, тем более, на региональном уровне. Некоторым исключением следует назвать работы Н.Г. Щербининой¹⁴, посвященные изучению мифо-героической составляющей в политико-символическом пространстве

Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – Т. 2. – С. 90-105; Миненков Г.Я. Идентичность в политическом измерении // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 21-38; Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М., 2011. 230 с.; Фадеева Л.А. Проблема идентичности в сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 134-139; Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М., 2008. 176 с.; Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб., 2002. 257 с.; Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам всерос. науч.-теор. конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). – М., 2011. – С. 13-29; Назукина М.В. Концепт идентичности в политической науке: теоретико-методологический обзор // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – 2007. – № 2. – С. 48-57;

¹¹ Миненков Г.Я. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // Политическая наука. – 2005. – № 6. – С. 21-38; Семенов И.С. Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М., 2011. – С. 162-168; Семенов И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2011. – Т. 7. – № 2. – С. 5-24; Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия): диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.01. – СПб., 2014; Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М., 2011. 208 с.; Политическая идентичность и политика идентичности: очерки / под ред. О.И. Зазнаева. – Казань, 2011. 232 с.

¹² Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992. 135 с.; Пищулин Н.П. Политическое лидерство и электоральный процесс // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 5. – С. 145-152; Шахов А.Н., Колядин А.М. Политическое лидерство в современной России // Власть. – 2004. – № 2. – С. 32-37; Щербинина Н.Г. Теории политического лидерства. М., 2004. 184 с.; Образы российской власти: от Ельцина до Путина / под ред. Е.Б. Шестопа. – М., 2009. 416 с.

¹³ Гржейщак С.Е. Региональное политическое лидерство в современной России: институциональный аспект // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 36-45; Идиатуллина К.С. Региональное политическое лидерство в России: пути эволюции. Казань, 1997. 147 с.; Идиатуллина К.С. Политическое лидерство в институциональном дизайне национальных республик Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 2. – С. 66-79.

¹⁴ Щербинина Н.Г. Ценности, миф и лидер как символические политические формы // Проблемы политических ценностей в условиях трансформации режима: научный ежегодник Томского МИОН–2003 / под ред. А.И. Щербинина. – Томск, 2004. – С. 45-67; Щербинина Н.Г. Символическое конструирование мифо-героической политической реальности России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 2. – С. 30-42; Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М., 2011. 288 с.

России, кроме того, отдельно «лиц регионов» касался в одном из своих исследований Н.В. Петров¹⁵. Однако «героическое», «персональное» как часть символического процесса (в том числе политико-символического процесса на историческом материале) чаще рассматривается историками и культурологами¹⁶.

В-четвертых, значительный пласт научной литературы, принципиально важной для настоящего исследования работы, посвященные проблематике федерализма и регионализма. Среди ключевых авторов в данной группе необходимо назвать М. Китинга, П. Шмитт-Эгнера, Б. Хеттне, И.М. Бусыгину, А.С. Макарычева, А.А. Захарова, М.Х. Фарукшина, Н.В. Зубаревич, А.В. Титкова¹⁷. Отдельно обозначим исследования российских авторов, посвященные региональной политической идентичности в широком социально-политическом контексте: это работы Р.Ф. Туровского, В.Я. Гельмана, Е.В. Поповой, Е.Ю. Мелешкиной, Е.Ю. Цумаровой¹⁸ и др. Накопленный в России исследовательский капитал богат эмпирическими трудами, посвященными анализу особенностей региональных идентичностей конкретных регионов России, макрорегионов, федеральных округов, среди таких исследований необходимо назвать работы О.Б. Подвинцева, М.В. Назукиной, М.В. Ноженко, Е.В. Белокуровой, М.В. Берендеева, В.А. Ачкасова, Е.В. Морозовой, О.И. Вендиной, Е.Е. Дутчак, Л.Я. Бляхера, К.В. Киселева,

¹⁵ Петров Н.В. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В.Я. Гельмана и Т. Хопфа. – СПб., 2003. – С.145.

¹⁶ См., например: Бранденбергер Д. Сталинский популизм и невольное создание русской национальной идентичности / Неприкосновенный запас. – 2011. – № 4(78). – Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал». – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz%20/2011/4/br4-pr.html>; Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности / Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал». Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/zh7.html>; Конрадова Н., Рылева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной / Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал». Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16.html>; Замятина Н.Ю. «Гений места» и развитие территории (на примере уроженца г. Хвалынска – художника К.С. Петрова-Водкина). С. 71-88; Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997. 288 с.; Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве / авторизированный пер. с англ. Н. Эдельмана. – М., 2010. 496 с.; Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе / пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова; науч. ред. Е.Ю. Зубкова. – М., 2011. 438 с.; Келли К. Товарищ Павлик: Взлет и падение советского мальчика-героя / пер.с англ. И. Смиренской. – М., 2009. 312 с.

¹⁷ Китинг М. Новый регионализм в западной Европе // Логос. – 2003. – № 6. – С. 67-116; Schmitt-Egner P. The concept of 'region': Theoretical and methodological notes on its reconstruction // Journal of European integration. – 2002. – Vol. 24. – No. 3. – P. 179–200; Hettne B. Globalization and the New Regionalism // London. – 1999. – Vol. 1. – P. 7-29; Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма / Регионы и регионализм в странах Запада и России; отв. ред. Р.Ф. Иванов. – М., 2001. – С. 7-15; Макарычев А.С. Регионализм и региональная культурная идентичность / Регионализм и региональная культурная идентичность. Режим доступа: <http://www.crimea.edu/internet/Education/notes/edition11/n01102.html>; Захаров А.А. «Спящий институт»: Федерализм в современной России и в мире / Андрей Захаров; предисл. Камерона Росса. – М.: Новое литературное обозрение, 2012 – 144 с.; Фарукшин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Казань, 1998. 335 с.; Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М., 2003. 264 с.; Петров Н.В. Как в капле водки: политика, финансы, регионализм. Регионы России в 1999 г.: ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / ред. Н. Петров. М., 2001. – С. 140-162; Петров Н.В., Титков А.С. Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. – М., 2001. – С. 214-255; Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб., 2007. 279 с.

¹⁸ Туровский Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. – СПб., 2003. – С. 4-36; Гельман В.Я., Попова Е.В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. – СПб., 2003. – С. 187-254; Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / под ред. М. Ильина, И. Бусыгиной. – М., 1999. – С. 126-137; Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. 200 с.; Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия). 157 с.

Н.В. Петрова, Е.Ю. Цумаровой, В.Г. Богомякова, А.Д. Трахтенберг, М.Х. Фарукшина, А.Л. Салагаева, С.А. Сергеева¹⁹ и др.

В-пятых, важными для построения теоретических моделей заявленного исследования являются политологические работы, касающиеся проблематики коалиционных политических действий, структуризации властных отношений, политических региональных режимов, характеристики политических региональных и локальных элит. Это исследования Ф. Шелжника, О. Хиршмана, Г. Молоча, А. Вуда, Т. Кребса, В.Я. Гельмана, О. Бычковой, Д.В. Тева, И.В. Ермолина, В.Г. Ледяева, А.Е. Чириковой²⁰. Аналитическую модель регионального политического режима, который располагается в пересечении ключевых осей («моноцентризм – полицентризм», «автономия – зависимость», «демократия – авторитаризм»), предложенную Р.Ф. Туровским²¹, мы используем для анализа соотношения типов политики идентичности с типами политических режимов в регионах.

В-шестых, должна быть упомянута междисциплинарная литература, посвященная теории и методологии дискурс-анализа в социально-политических исследованиях, которая дает основание для методологии исследования. Среди данной литературы необходимо

¹⁹ Назукина М.В., Подвинцев О.Б. Особенности позиционирования регионов Урала на современном этапе // Ежегодник РАПН. – 2010. – С. 15-36; Подвинцев О.Б. Региональная идентичность в де-факто двунациональных субъектах РФ: конкурентный потенциал и попытки стимулирования // Идентичность как предмет политологического анализа: сб. ст. по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2012 г.), 2012. – С. 224-231; Ноженко М.В., Белокурова Е.В. Северо-Запад России: регион или регионы. СПб., 2010. 164 с.; Берендеев М.В. «Кто мы?». Калининградцы в поисках идентичности // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 127-132; Ачкасов В.А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» / Журнал ПОЛИТЭКС. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>; Морозова Е.В. Локальная идентичность и проблемы ее конструирования (кейс Краснодарского края) // Идентичность как предмет политологического анализа: сб. ст. по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2012 г.), 2011. – С.231-237; Вендина О.И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая. – 2012. – № 5. – С. 27–39; Дутчак Е.Е. Сибирская региональная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2012. – № 2 (3). – ч. 1. – С. 41–44; Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Политические исследования. – 2004. – № 5. – С. 28-39; Киселев К.В. Территория Европы. Смогут ли российские регионы перестать быть провинцией? / Политический журнал. Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=113&tek=5891&issue=166>; Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в республике Карелия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 39-41; Богомяков В.Г. Региональная идентичность «земли тюменской»: мифы и дискурс. Екатеринбург, 2007. 148 с.; Трахтенберг А.Д. Конструирование реальной идентичности в процессе дискурсивной ассимиляции (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Журнал «Дискурс Пи». – 2005. – № 5. – С. 42-46; Фарукшин М. Х. Лицо и маска: Заметки о политическом лидерстве в Татарстане, 1989–2005 гг. Нижний Новгород, 2005. 188 с.; Салагаев А.Л., Сергеев С.А., Лучшева Л.В. Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан. Казань, 2011. 252 с.

²⁰ Selznick P. TVA and the grass roots: A study of politics and organization. – Berkeley, 1949. – Vol. 3; Хиршман А.О. Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М., 2009. 156 с.; Molotch H. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place // American Journal of Sociology. – 1976. – Vol. 82. – № 2. – P. 309-322; Бычкова О.В., Гельман В.Я. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2. – С. 73-82; Wood A. Domesticating Urban Theory? US Concepts, British Cities and the Limits of Cross-national Applications // Urban Studies. – 2004. – Vol. 41. – No. 11. – P. 2103–2118; Тев Д.Б. Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге // Политическая экспертиза. – 2006. – Т. 2. – № 2. – С. 99-121; Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Многомерность политической власти: опыт эмпирического исследования // Элиты и власть в российском социальном пространстве / под ред. А.В. Дуки. – СПб., 2008. – С. 76-94; Чирикова А.Е. Региональные элиты в современной России: концептуальные дискуссии и политическая практика // Россия и соврем. мир. – 2009. – № 1. – С. 154-172.

²¹ Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – 2009. – Т. 2. – С. 77-95.

отдельно назвать Э. Лаклау, Ш. Муфф²², М. Йоргенсен, Л. Филипс²³, О.Ф. Русакова, В.М. Русаков²⁴, А.Д. Трахтенберг²⁵, Е.И. Шейгал²⁶, А.Н. Баранов, М.Л. Макаров²⁷.

В-седьмых, следует назвать социально-культурологическую и философскую литературу, посвященную изучению культурных факторов в политической жизни. Среди авторов можно назвать Р. Барта, Э. Кассирера, Ж. Дерриду²⁸ и др.

В-седьмых, следует выделить междисциплинарную литературу, проблематизирующую постимперский подход. Это работы Ф. Фанона, Э. Саида, Х. Бхабха²⁹ и др., а также работы авторов, анализирующих этнические, миграционные и иные трансформационно-адаптационные процессы, происходящие в постимперской стадии с сообществами и государствами: Р. Брубейкера, Р. Суни, Б.В. Межуева, О. Куценко, А. Горбачик³⁰ и др. Кроме этого, требуется назвать работы отечественных авторов, применивших постимперское отношение к анализу отношений центр – регионы через призму отношений имперского и постимперского взаимодействия: А.М. Эткинда, А.Б. Миллера, О.Ю. Малиновой³¹ и др.

Наконец, еще одним пластом научной литературы, имеющей значение для рассматриваемой темы, являются антропологические работы, предоставляющие материал для концептуального анализа ритуальных инфраструктур, обеспечивающих групповую идентификацию, это труды К. Гирца, К. Вульфа³² и др.

²² Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London, 1985. 198 p.

²³ Филипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ / Теория и метод. – Харьков, 2004. 352 с.

²⁴ Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург, 2008. 282 с.; Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. Политические исследования. – 2006. – №. 4. – С. 26-43.

²⁵ Трахтенберг А.Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 4. – С. 33-47.

²⁶ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.

²⁷ Баранов А.Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М., 2004. 234 с.; Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с.

²⁸ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. 616 с.; Кассирер Э. Философия символических форм. М.; СПб., 2002. 398 с.; Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб, 1999. 430 с.

²⁹ Fanon F. Black Skin, White Masks. New York, 1952. 240 p.; Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. 636 с.; Бхабха Х. Местонахождение культуры. Иваново, 2005. 226 с.

³⁰ Брубейкер Р. Постимперская ситуация и разъединение народов в сравнительно-исторической перспективе // Российский бюллетень по правам человека. – 1994. – Т. 3. – С. 28-31; Суни Р. Империя как она есть: Имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. – М., 2007. – С. 60-78; Межуев Б.В. Постколониальный переход и "транснационализация" гражданства // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 5. – С. 19-27; Подвинцев О.Б. Постимперская адаптация консервативного сознания: благоприятствующие факторы // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 3. – С. 25-34; Куценко О.Д., Горбачик А.П. Постимперские регионы: ассоциированная зависимость в развитии Восточной Европы // Мир России. – 2014. – Т. 23. – №. 1. – С. 60-86.

³¹ Родоман Б.Б. Внутренний колониализм в современной России / Куда идёт Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 94-102; Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова, 2-е изд. – М., 2014. 448 с.; Миллер А.И. Национализм и империя. М., 2005. 128 с.; Миллер А.И. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6. – № 4. – С. 18-30; Миллер А.И. Новая история Российской империи: региональный или ситуационный подход? // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей. – Омск, 2005. – С. 7-23; Малинова О.Ю. Дискуссии о государстве и нации в постсоветской России и идеологема «империи» // Политическая наука. – 2008. – № 1. – С. 31-58.

³² Geertz C. Centers, kings, and charisma: Reflections on the symbolics of power // Local Knowledge. – N.Y., 1983. – P. 121-146; Вульф К. Антропология: История, культура, философия. СПб., 2008. 280 с.; Ильин В.В., Панарин А.С., Бадовский Д.В. Политическая антропология. М., 1995. 254 с.

Таким образом, настоящее диссертационное исследование основывается на значительном теоретическом фундаменте, но ставит своей целью заполнить некоторые лакуны в академической литературе, посвященной изучаемому феномену.

Объект диссертационного исследования – феномен персонифицированных образов как ресурса политики региональной идентичности.

Предмет исследования – политика идентичности региональных политических элит, основанная на актуализации персонифицированных образов.

Цель диссертационного исследования – типологизировать проводимую на уровне субъектов РФ региональными политическими элитами политику идентичности, основанную на актуализации персоналистских образов, и охарактеризовать выделенные типы как элементы региональных политических режимов.

Основными **задачами** исследования являются:

1. проанализировать ключевые измерения феномена идентичности и их современные интерпретации и проблематизировать политологический фокус зрения на изучение политики идентичности и персоналистского в социально-политическом контексте;
2. сформулировать исследовательскую модель региональной персоналистской политики идентичности, основанную на анализе ресурсных и структурных характеристик политических акторов, их стратегий и инструментария;
3. проанализировать стратегии региональных элит 83 субъектов РФ (на начало 2014 года) в отношении политически обусловленной актуализации персонифицированных образов и выделить их характерные особенности;
4. сформулировать и объяснить классификации персонифицированных образов на основе результатов дискурс-анализа;
5. сформулировать и объяснить типологию политики идентичности на основе результатов дискурс-анализа;
6. проанализировать соотношение типов политики идентичности с разнообразием региональных политических режимов.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2000-2014 годов. Их широта объясняется необходимостью выявления тенденций в политике идентичности в отношении персоналистских идентификаторов в российских регионах. Кроме того, рассмотрение политико-идентификационных стратегий политических элит и дискурсов требует установить в качестве дополнительной переменной наличие или отсутствие устойчивости политики идентичности в случае смены руководящей региональной группы, что возможно лишь при анализе достаточно продолжительного периода развития политических процессов на региональном уровне. При проведении эмпирического дискурсивного анализа рамки исследования сужены до 2011-2014 годов, что объясняется рядом причин: 1) именно в эти годы в России, после волны протестных выступлений и появления симптомов политического кризиса, нарастает охранительный дискурс³³, и региональные элиты уже в новых условиях должны были пересмотреть свои подходы к региональной политике идентичности; 2) резкое снижение экономического роста в подавляющем числе регионов РФ после 2010 года, сокращение объема привлекаемых инвестиций в экономически сильные регионы, бюджетные дефициты и т.п.³⁴, также не

³³ Гельман В.Я. Трещины в стене / Pro et Contra 2012 Январь – апрель. Режим доступа: http://uisrussia.srcc.msu.ru/docs/nov/pec/2012/1-2/ProEtContra_2012_1-2_07.pdf; Уитмор С. Шоу продолжается: выборы, «Единая Россия» и режим Владимира Путина / Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал». Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/1/u4.html>; Негров Е.О. Публичная политика в ходе электорального цикла 2011–2012 гг.: стратегии охранительного политического дискурса // Символическая политика. Выпуск 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – 2014. – С. 202-222.

³⁴ См. подробнее: Фенин К.В., Черемисинов Г. А. Региональные аспекты устойчивого развития российской экономики // Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 1, часть 1. – 2014. – С. 17-29; Борисова Е.И., Зубаревич Н.В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? // Качество. Инновации. Образование. – 2014. – № 4. – С. 39-54; Зубаревич Н.В. Взаимоотношения бизнеса и власти в регионах России // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 67-83.

могли не сказаться на возможностях региональных элит проводить ту или иную политику идентичности, ориентироваться на те или иные идентификаторы, искать поддержки у Центра и/или регионального бизнеса в этом отношении и т.д.

В качестве основного **теоретического подхода** в работе используется синтез конструктивизма и инструментализма (как частное проявление теории рационального выбора). Конструктивизм понимает идентичность как социальный конструкт, а также вынуждает исследователя не забывать о ценностно-идейной составляющей, которая и воспроизводится в практиках. Инструментализм же позволяет говорить на «политологическом языке», выделяя в процессе социального конструирования заинтересованных акторов, их ресурсы, стратегии и т.п. и понимая идентичность не столько как политическую цель, а сколько как одну из политических возможностей для действий политических субъектов. Оба подхода имеют неоспоримые академические традиции. Так, среди ключевых авторов социального конструктивизма необходимо назвать П. Бергера, Т. Лукмана, Ф. Барта, Б. Андерсона, П. Бурдые, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля³⁵ и др. Инструменталистское прочтение социально-политических процессов и идентитарных процессов характерно, в частности, для Э. Хобсбаума, Т. Рейнджера, Р. Уортмана³⁶ и др. Данный подход опробован и достаточно проработан и на российском региональном материале³⁷.

Ключевыми понятиями, используемыми в диссертационном исследовании являются:

Политика идентичности, которая, вслед за Е.Ю. Цумаровой, понимается нами как «деятельность политических акторов по формированию как представлений о «мы-сообществе», так и чувства принадлежности к нему в границах политического сообщества». Соответственно, целью политики идентичности является «укрепление позиций и легитимация властвующих институтов», а основными направлениями – «символизация пространства, ритуализация принадлежности к политическому сообществу, формирование образа «мы-сообщества» и установление границ «свой» - «чужой»³⁸.

Персоналистский идентификатор – имеющий символическую и семиотическую природу структурный элемент региональной идентичности, отличающийся от иных тем, что в его основе лежит образ персоналии (персоналистский/персонифицированный образ). В данном исследовании под персоналистскими идентификаторами понимаются только те персоналистские образы, которые являют собой актуализацию *исторических персоналий*. Другими словами, это лишь те персоналии, которые как конкретные личности (действующие политики, культурные, спортивные или общественные деятели) не существуют в настоящее время. По этой причине в поле анализа большей частью не входят образы современных персон, даже если они являются частью политики идентичности (например, образы действующих или недавних губернаторов в ряде регионов). Однако, исключение было сделано для тех персоналий, которые в соответствующих регионах можно без преувеличения отнести к «живым легендам», то

³⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. 323 с.; Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М., 2006. 200 с.; Бурдые П. Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М., 1993. 336 с.; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. Т. 9; Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. 304 с.; Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007. 335 с.

³⁶ The Invention of Tradition / eds. By E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge, 2003. 320 p.; Уортман Р.С. Сценарии власти. М., 2004. 597 с.; Уортман Р.С. Изобретение традиции в репрезентации российской монархии // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 56. – С. 33-41.

³⁷ Гельман В.Я., Попова Е.В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России. С. 187-254; Ноженко М.В., Белокурова Е.В. Северо-Запад России: регион или регионы. 164 с.; Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в республике Карелия. С. 39-41.

³⁸ Цит. соч. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия). С. 32.

есть те персоналии, вокруг которых в регионах уже сформирован и закреплён определенный миф, и данная персоналия, хоть и является ныне здравствующим человеком, в регионе не является активным актором общественно-политических процессов и, тем самым, не может изменить и не меняет миф в отношении себя. Кроме того, персоналистские идентификаторы должны быть институционально закреплены в дискурсивном и, что важно, объективном (физическом) пространстве региона (их имена присвоены какому-либо учреждению, в их честь сооружены монументы, проводятся масштабные публичные мероприятия и т.д.). Еще один критерий выборки – включенность персонифицированного образа в элитистский идентитарный дискурс, то есть речь идет только о тех персоналистских идентификаторах, которые актуализируются региональной элитой. Вне проведенного анализа остались мифологическо-легендарные антропоморфные персонажи (герои сказок, легенд, художественных произведений и т.п.).

Агент идентичности (актор политики идентичности) – политическая группа, активность которой выражается в установлении доминирования тех символов, образов и, в конечном счете, той версии идентичности, которая бы служила легитимирующим основанием для получения тех или иных благ (политэкономических, символических и др.). В данном исследовании под агентами идентичности будут пониматься региональные политические элиты.

Методы исследования. Основным специальным методом обработки эмпирического материала являлся дискурс-анализ: в основание нашего подхода положена теория дискурса Э. Лаклау и Ш. Муффа, которая была дополнена отдельными элементами критического дискурс-анализа Н. Фэркло. На вооружение также были взяты теоретическое моделирование, кроссрегиональный сравнительный анализ, метод сравнительного case-study. Для сбора материала в исследовании использовались мониторинг и контент-анализ материалов СМИ и Интернет-ресурсов, и проведение отдельных экспертных интервью с информаторами из ряда регионов³⁹. Экспертные интервью проводились в период с лета 2011 по осень 2013 годов. Выборка респондентов и регионов основывалась на принципе наибольших различий. При подборе экспертов для интервью был использован метод «снежного кома». Отборанные эксперты соответствуют требованию квалифицированной экспертной оценки политики идентичности, проводимой политическими элитами в своих регионах, на основании профессионального или общественного опыта.

Также к методам сбора материалов следует отнести метод «профессионализированного путешествия», сформулированного В.Л. Каганским⁴⁰ и активно применяемого в современных исследованиях территориальных идентичностей⁴¹. По понятным причинам не все из 83 исследуемых регионов были охвачены применением данного метода. Все же его удалось использовать в отношении Республики Башкортостан, Республики Карелия, Пермского края, Владимирской области, Ивановской области, Калининградской области, Кировской области, Костромской области, Новгородской области, Свердловской области, Ярославской области, Ханты-Мансийского автономного

³⁹ Экспертные интервью были проведены с такими респондентами как М.Ю. Тимофеев (д.филос.н., профессор кафедры философии ИвГУ), Д.С. Докучаев (к.филос.н., сотрудник Музея промышленности и искусства им. Д.Г. Бурлыгина), В.В. Абашев (д.ф.н., заведующий кафедрой журналистики ПГНИУ), О.Ю. Ткачев (член Общественной палаты Кировской области), К.В. Киселев (к.филос.н., заместитель директора Института философии и права УрО РАН, депутат Екатеринбургской городской Думы), А.М. Цыганков (председатель Союза журналистов Республики Карелия), В. Штепа (медиа-активист, Республика Карелия), А.Н. Замарянов (исполнительный директор Костромского центра поддержки общественных инициатив), Е.А. Исаева (к.ю.н., директор Центра социального партнерства, Ярославская область).

⁴⁰ Каганский В.Л. Евразийские регионы и евразийские образы регионов / Русский архипелаг. Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/kaganskiy/region/.

⁴¹ Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. 200 с.; Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия). 157 с.

округа, городов федерального значения Москва и Санкт-Петербург. Предлагаемые выводы и анализ данных регионов строятся в совокупности с методом case-study.

Кроме этого, в работе используются сравнительный метод и системный метод.

Эмпирическую базу исследования составляют следующие группы источников.

Первую группу составляют материалы региональных СМИ, которые стали основанием для дискурсивного анализа символического и информационного пространства каждого региона⁴². В качестве примеров материалов СМИ, относимых к данной группе источников, можно назвать те информационные сообщения региональных СМИ, которые сообщают о случаях актуализации региональными элитами персоналистских идентификаторов – это тематические выступления губернаторов или иных представителей региональной политической элиты, сообщения о соответствующих нормативных актах⁴³.

Во вторую группу можно объединить официальные Интернет-ресурсы: сайты и порталы региональных органов власти (губернаторов, региональных правительств и легислатур), существующие во многих субъектах РФ так называемые «официальные сайты региона», которые редактируются администрациями губернаторов или профильными министерствами, если таковые имеются, официальные сайты учреждений. Отдельно в рамках данной группы следует выделить официальные сайты, информационные материалы региональных учреждений, организационных комитетов событийных мероприятий (фестивалей, конференций и т.п.), носящих имя или выступающих за номинирование и ассоциирование с персоналией. Данный тип источников необходим для выявления устойчивости и распространенности «героического» дискурса в регионе, а также дополнительной проверки структуры регионального пантеона персонифицированных образов.

Третью группу источников составили материалы (дискуссии, обсуждения) региональных форумов, блогов, социальных сетей. Данный тип источников важен для анализа эффективности интегрирования политики идентичности в массовое сознание регионального сообщества, создания идентитарных фреймов, принятия или непринятия тех или иных идентификаторов (персоналистских – в нашем случае).

К четвертой группе следует отнести символические источники: памятники персоналиям, программы фестивалей и иных мероприятий, проводимых в их честь.

Пятую группу составляют различного рода путеводители, брошюры, карты и иные брендинговые и маркетинговые материалы регионов.

Шестая группа – материалы экспертных интервью.

Научная новизна настоящего диссертационного исследования заключается в следующем:

- предложена авторская теоретическая модель изучения политики идентичности на основании персоналистских идентификаторов, введена в поле исследовательского внимания проблема персоналистских идентификаторов как ресурса политической борьбы;
- разработана классификация персоналистских идентификаторов, а также типология политики идентичности, основанная на них;

⁴² Сагитова Л.В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) / «Этно Журнал — Ethnonet.ru». Режим доступа: <http://www.ethnonet.ru/lib/1003-01.html>.

⁴³ Например: О выплате стипендии имени Муравьева-Амурского Н.Н. Распоряжение Губернатора Амурской области от 21.07.2008 № 342-р. Режим доступа: <http://law7.ru/amur/act7p/i280.htm>; Губернатор Шпорт вручил молодым учёным края стипендии имени Н.Н. Муравьева-Амурского / Хабаровск. Режим доступа: <http://habrus.ru/content/gubernator-shport-vruchil-molodym-uchenym-kрая-stipendii-imeni-nnmuraveva-amurskogo>; Столыпин пришел к своему памятнику / ГТРК «Саратов». Режим доступа: http://gtrk-saratov.ru/news/stolypin_prishel_k_svoemu_pamyatniku/; В Башкирии отметили день рождения Салавата Юлаева / ФГБУ «Редакция «Российской газеты». Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/06/16/reg-pfo/salavat.html>; В Ижевске открыли памятник Трокаю Борису / «Моя Удмуртия». ГУП УР «Телерадиовещательная компания «Удмуртия». Режим доступа: <http://www.myudm.ru/node/33178>.

- систематизирован и аналитически обработан значительный пласт эмпирического материала о политике идентичности в регионах РФ, политической актуализации в ее рамках персоналистских идентификаторов;
- впервые региональные политические процессы рассматриваются и изучаются через призму политики идентичности, основанной на персоналистском идентификаторе как элементе регионального политического режима;
- введена в политологический научный оборот в части региональных исследований проблематика персоналистского, «героического». Настоящее исследование не является единственным, но его новизна заключается, во-первых, в прагматичном подходе к персонифицированному в контексте политических процессов, во-вторых, в перенесении данной проблематики на региональный уровень политической идентификации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политическое измерение и понимание идентичности имеет место в том случае, если идентичность становится (1) причиной процессов политического размежевания и перестройки сложившихся иерархий, (2) ресурсом политической борьбы, (3) целью проводимого политического курса в условиях «борьбы за идентичность». Доказано, что наибольшей операциональной силой обладает концепт «политика идентичности» (identity policy), который структурно сочетает в себе все три названные элемента, то есть является по форме политическим курсом, который проводят политические акторы, используя идентичность как политический ресурс, ставя своей целью политическое доминирование и реформирование сложившихся иерархий.

2. Персоналистский идентификатор – структурный элемент региональной идентичности, отличающийся от иных тем, что в его основе лежит образ персоналии. В данном исследовании под персоналистскими идентификаторами понимаются только те персоналистские образы, которые являют собой (1) актуализацию исторических персоналий, это лишь те персоналии, которые как конкретные личности (действующие политики, культурные, спортивные или общественные деятели) не существуют в настоящее время. По этой причине в поле анализа большей частью не входят образы современных персон, даже если они являются частью политики идентичности (например, образы действующих или недавних губернаторов в ряде регионов). Кроме названного, для того, чтобы быть обозначенным в качестве персоналистского идентификатора, образ персоналии должен быть (2) институционально закреплён в дискурсивном и, что важно, объективном (физическом) пространстве региона (имена присвоены какому-либо учреждению, в их честь сооружены монументы, проводятся масштабные публичные мероприятия и т.д.). (3) Образ персоналии должен быть включен в элитистский идентитарный дискурс, то есть речь идет только о тех персоналистских идентификаторах, которые актуализируются региональной элитой. Вне проведенного анализа остались мифологическо-легендарные антропоморфные персонажи (герои сказок, легенд, художественных произведений и т.п.).

3. Персоналистский идентификатор обладает следующим набором характеристик: символичность (идентификатор имеет не объективную, а символично-смысловую природу), историчность (идентификатор связан с исторической персоналией и воплощает какую-либо часть прошлого, важного для региона), ритуализированность (идентификатор поддерживается специфическими практиками, актуализирующими его с какой-либо периодичностью), политическая инструментальность (идентификатор служит интересам политических субъектов) и конфликтогенность (идентификатор служит источником или причиной политических конфликтов).

4. Проведенный анализ позволил сформулировать две основные стратегии политики идентичности региональных политических элит, актуализируемые использованием того или иного варианта персоналистского идентификатора:

- (1) стратегия легитимации власти (главы региона), которая, в свою очередь, реализуется в двух возможных вариантах: а) легитимация через партиципацию главы региона с «великим предком», б) легитимация через присоединение к общероссийскому культурному пространству, которая также раскладывается на два варианта: «аренда» персоналии в общероссийском культурном пространстве или же «формирование предложения» по включению персоналии в общекультурное пространство;
- (2) стратегия вынужденной идентификации с каким-либо персоналистским идентификатором. Вынужденность обуславливается двумя возможными причинами: а) персоналистский идентификатор навязывается региону Центром; б) выбор персоналии производится под давлением символического наследия региона или же воспроизводится по инерции.

5. Установлено, что ключевая причина вступления региональных политических элит в политико-символические коалиции с отдельными группами регионального сообщества – это необходимость нахождения символического ресурса в виде персонифицированного образа, набором знаний и интерпретаций которого обладает сообщество и не обладает элита. На конкретных примерах показано, что политико-символические коалиции по актуализации персонифицированного образа, как правило, равновесны и соответствуют теории ресурсной зависимости, однако политическая элита в такого рода коалициях обладает большим объемом влияния для управления коалиционными символическими действиями.

6. Дискурс-анализ позволил точно определить набор инструментов конструирования политики идентичности на основе персоналистских идентификаторов, это: номинирование (наделение объектов и учреждений именем персоналистского идентификатора), в том числе топонимирование (наделение ландшафтных объектов именем персоналистского идентификатора), ритуализация (инфраструктурное воспроизводство образа персоналии) и физическая объективация (монументализация).

7. Результаты дискурс-анализа позволили сформулировать четыре основных классификации персоналистских идентификаторов: на основании социально-профессионального критерия; на основании типа связи персоналии с регионом; на основании дискурсивного отношения регион – Центр; на основании обобщения смыслов, закладываемых политическими элитами в персоналистские идентификаторы.

8. Наиболее значимой для целей исследования является классификация, основанная на варианте дискурса, который закладывается в персоналистский идентификатор для соответствующей политической структуризации политического пространства на основании дискурсивного отношения регион – Центр: персоналистский идентификатор, воплощающий дискурс унификации; персоналистский идентификатор, воплощающий дискурс партикуляризации; персоналистский идентификатор, воплощающий дискурс уникализации.

9. На основании ключевых аналитических критериев (доминирующего дискурса и доминирующей стратегии политики идентичности региональной элиты) предложена типология политики идентичности как процесса политической актуализации персоналистских идентификаторов в регионах современной Российской Федерации:

Доминирующий дискурс	<i>Дискурс унификации</i>	<i>Дискурс партикуляризации</i>	<i>Дискурс уникализации</i>
Стратегия актуализации			
<i>Стратегия легитимации власти элиты</i>	ПИ, основанная на стратегии легитимации с доминированием	ПИ, основанная на стратегии легитимации с доминированием дискурса	ПИ, основанная на стратегии легитимации с доминированием

	дискурса унификации	партикуляризации	дискурса уникализации
<i>Стратегия вынужденной идентификации</i>	ПИ, основанная на вынужденной идентификации с доминированием дискурса унификации	ПИ, основанная на вынужденной идентификации с доминированием дискурса партикуляризации	ПИ, основанная на вынужденной идентификации с доминированием дискурса уникализации

10. Персоналистский идентификатор как ресурс политики идентичности в большинстве случаев исполняет консолидирующую функцию в отношении регионального сообщества. С помощью персоналистского идентификатора региональные политические элиты конструируют каналы для ассоциирования с персоналией на личностном уровне так, чтобы идентификатор был основанием для поведенческого подражания, необъективированного «морального авторитета». Последние два становятся основанием для политической консолидации регионального сообщества как условия воспроизводства и легитимации регионального политического режима.

11. Результаты исследования доказывают, что во второй половине 2000-х годов и начале 2010-х годов пространство политики идентичности в регионах становится тем полем, где региональные политические элиты обладают большей независимостью от Центра, чем в реализации иных институциональных политических практик.

12. Соотнесение сформулированных типов политики идентичности на основании персоналистских идентификаторов, с разнообразием региональных политических режимов доказало, что политические элиты в условиях моноцентрического режима, как правило, применяют те типы политики идентичности, которые обеспечивают легитимацию власти политической элиты, при этом дискурс, выражаемый персоналистскими идентификаторами, зависит от характера взаимоотношений региона с Центром. Элиты в регионах с полицентрическим режимом, как правило, используют разнообразие всех выделенных нами типов политики идентичности и ключевым основанием выбора конкретного типа является характер Центр-региональных отношений.

Практическая значимость исследования. Результаты и материалы данного исследования могут стать основой для дальнейшего более подробного анализа как отдельных региональных случаев, так и адаптации предлагаемой исследовательской модели для анализа «персоналистских идентификаторов» в политиях иного уровня и измерения. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности органов государственной и муниципальной власти в части выработки стратегий развития территорий, брендинга регионов или городов, а также экспертными аналитическими компаниями и исследовательскими центрами для анализа политико-символической конъюнктуры в стране и разработки сценариев развития тех или иных территорий. Кроме того, наработки исследования могут быть использованы в рамках учебных курсов для студентов-политологов, таких как «Политическая регионалистика», «Региональные политические исследования», «Современные проблемы федерализма», «Политическая социология».

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседании отдела философии Института философии и права УрО РАН и кафедры политологии Казанского (Приволжского) Федерального Университета, диссертация была рекомендована к защите. Выводы и основные положения диссертации изложены автором в четырех статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах перечня ВАК Министерства образования РФ, пяти сборниках научных конференций и главе коллективной монографии (в соавторстве). Автор диссертационного исследования выступал с докладами и сообщениями на различных конференциях, в частности V

Всероссийской Ассамблее молодых политологов (Пермь, 2012 г.), Всероссийской научной конференции «Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций» (Пермь, 2012 г.), Всероссийской научной конференция «Город невест? Брендинг территорий и региональные идентичности» (Иваново, 2013 г.), VII Всероссийской Ассамблее молодых политологов (Пермь, 2014 г.), XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Векторы развития современной России: от формирования ценностей к изобретению традиций» (Москва, 2014 г.), летней школе «Территориальная идентичность в современном мире: проблемы и перспективы исследования» (Пермь, Усолье, 2014 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень научной разработанности проблемы, формулируются цель и задачи диссертации, определяются ее методологические основания, научная новизна и значимость результатов исследования.

В первой главе «Идентичность как социально-политический феномен: современные трактовки и подходы» рассматриваются вопросы, раскрывающие сущность феномена идентичности, политической природы идентичности, механизмов и ресурсов политики идентичности, а также сущности феномена персоналистского идентификатора.

В первом параграфе первой главы «Концепт идентичности в ключевых теоретико-методологических измерениях» рассматриваются ключевые современные подходы к пониманию феномена идентичности, а так же проблема политической природы данного феномена. Формулируется вывод, что политическое измерение и понимание идентичности допустимо в том случае, если идентичность становится причиной политического размежевания, перестройки сложившихся иерархий, ресурсом политической борьбы, целью проводимого политического курса в условиях «борьбы за идентичность». Доказывается, что наибольшей аналитической силой обладает концепт «политика идентичности», который сочетает в себе все три названные элемента.

Во втором параграфе первой главы «Территориальное измерение идентичности: региональная идентичность и политика идентичности в регионах» проблематизируется соотношение идентичности и территории, что находит отражение в феномене региональной идентичности. Региональная идентичность рассматривается с точки зрения современных подходов, а также рассматривается через призму сложности политико-символического наследия постимперской идентичности современной России. Разнообразие региональных идентичностей предлагается рассматривать как разнообразие постколониальных трансформаций. Кроме этого, в параграфе обсуждается проблема взаимоотношений регионов РФ с Центром в части автономности регионов формулировать самостоятельную политику идентичности. На основе анализа научной литературы формулируется предположение, что в рассматриваемый хронологический период референтной стороной в части политической идентификации региона для региональных политических элит становится Центр, а не внутреннее региональное сообщество.

В третьем параграфе первой главы «Подходы к изучению персонифицированных образов в политических контекстах» концептуализируются четыре ключевых междисциплинарных подхода к пониманию персонифицированного элемента в социально-политических и политико-символических процессах: «традиционный» подход, восходящий к Т. Карлейлю, понимающий героев как «выдающихся людей»; подход «гения места», понимающий персоналию как генератор локальной «самости»; подход «мест памяти», относящийся к исторической персоналии как к символическому когнитивно-аффективному перекрестку какого-либо сообщества

(нации, региона, локальности); мифологический подход, относящийся к персонифицированному образу как элементу мифа.

Обобщение данных подходов позволило выделить ключевые характеристики персонифицированного образа как идентификатора региональной идентичности. Так, персоналистский идентификатор всегда инструментален, то есть является средством достижения политических целей, это особенно свойственно российской высоко персонифицированной политической культуре. Отмечается обязательное символическое происхождение персоналистского идентификатора, а также то, что наличие «обрядовой», ритуальной инфраструктуры для актуализации идентификатора потенциально обеспечивает «долголетие» его образа в структуре идентификаторов какой-либо локальности. Кроме этого, персоналистский идентификатор обладает значительным потенциалом инициирования политико-символического конфликта (конфликтогенность): образ всегда может быть поставлен под сомнение, если найдутся акторы, стремящиеся перестроить сложившуюся версию идентичности.

Помимо этого в данном параграфе формулируется исследовательская модель политики идентичности на основе персоналистского идентификатора, где базовым является анализ образов персоналий методом дискурс-анализа (по методике Лаклау-Муфф). Выбранный метод предполагает выявление «узловых точек» в процессе артикуляции (то есть такой практики взаимоотношения элементов, при котором меняется их собственная идентичность), образуют структурное единство, которое и есть дискурс⁴⁴. Если такая артикуляция воспроизводится постоянно и постоянно же формирует одни и те же политические порядки вокруг, речь идет о том, что Н. Фэркло называет «порядком дискурса». Как точно отмечают Йоргенсен-Филлипс, «дискурс сформирован благодаря частичной фиксации значений вокруг некоторых узловых точек»⁴⁵. Эти «узловые точки» представляют собой «особенные» знаки, которые собственными смысловыми содержаниями обуславливают смыслы «соседних» знаков и определяют расстановку других «зависимых» знаков. Такая сеть смыслов, условно замкнутая на «узловую точку», есть определенный дискурс (дискурс с определенными характеристиками). В анализируемых информационных материалах персонифицированные образы - это и есть «узловые точки», выделяя которые и реконструируя их дискурсивный порядок, мы находим ключевые смыслы и образы, заложенные агентами идентичности в конкретных персоналистских идентификаторах.

Во второй главе «Региональная политическая элита как агент политики идентичности и классификация персоналистских идентификаторов» рассматриваются региональные политические элиты как агенты персонифицированной политики идентичности, формулируются стратегии политической элиты по актуализации персонифицированных образов, подробно разбирается институциональный инструментарий такого рода политики идентичности, а также рассматриваются и объясняются результаты дискурс-анализа актуализируемых элитами образов, обобщенные в несколько классификаций.

В первом параграфе второй главы «Региональная политическая элита как агент политики идентичности на основе актуализации персоналистских идентификаторов» доказывается, что именно региональные политические элиты в регионах РФ есть важнейшие и ключевые агенты политической идентификации региона, что связано с тем, что взаимоотношения региона и Центра в 2000-е годы являются первейшим источником внутри региональных политических процессов, идентитарных в том числе. В таких условиях региональная политическая элита обладает институциональной монополией на коммуникацию с Центром. Однако эмпирический материал говорит о том, что и различные внутри региональные группы и сообщества в определенных случаях могут быть инициаторами политики идентичности на основе

⁴⁴ Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. 105.

⁴⁵ Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дискурс-анализ / Теория и метод. С. 57.

персоналистского идентификатора, что в параграфе иллюстрируется примерами актуализации музейным сообществом образа И. Шемановского в ЯНАО, медицинским сообществом реактуализации образа Г. Илизарова в Курганской области, литературным сообществом образа Б. Пастернака в Пермском крае и др.

В параграфе на основе анализа кейсов актуализации в Чеченской Республике образа А. Кадырова, Н. Муравьева-Амурского в Амурской области, Хабаровском и Приморском краях, П. Столыпина в Саратовской области, Г. Тукая в Республике Татарстан формулируется элитарная стратегия политики идентичности, заключающаяся в партиципации с «великим предком» и его наследием и/или легитимации режима символическо-властных отношений в регионе. Разновидностью данной стратегии легитимации являются случаи использования таких персоналистских идентификаторов, которые связаны с «арендой» общероссийского персоналистского идентификатора для нужд региональной политики идентичности (примеры Красноярского края с образом В. Сурикова и В. Астафьева, Кировской области с образами М. Салтыкова-Щедрина, братьев Васнецовых, А. Грина, Омской области с образом Ф. Достоевского).

Иной выделяемой в работе элитарной стратегией является стратегия вынужденной идентификации. На примерах актуализации образа Б. Ельцина в Свердловской области и Шолом-Алейхема в Еврейской АО показывается, что стратегия вынужденной идентификации объясняется либо давлением Центра, навязывающего персоналистский идентификатор региональной элите, либо вынужденность в силу символического наследия региона или же воспроизводимая по инерции.

Во втором параграфе второй главы «Институциональный инструментарий конструирования персоналистских идентификаторов» подробно рассматриваются конкретные социоинжиниринговые практики (упорядоченные и институционализированные действия) агентов идентичности, направленные на ассоциирование региональной идентичности с персоналистским идентификатором. В параграфе формулируются следующие виды инструментариев: *номинализация* и *топонимизация* (наделение объектов, в том числе ландшафтных, и учреждений именем идентификатора), которое касается обычно учреждений образования и дополнительного образования, учреждений культуры, избирательных участков; *физическую объективацию или монументализацию* - создание и установку памятников персоналии; *ритуализация* - инфраструктурное воспроизводство образа персоналии (проведение форумов/фестивалей/конференций, посвященных идентификатору или носящих его имя, учреждение наград, стипендий или премий, названных именем персоналистского идентификатора, проведение года /месяца/дня, посвященного ему). Каждая разновидность инструментария сопровождается подробными эмпирическими примерами.

В третьем параграфе второй главы «Классификации персоналистских идентификаторов в дискурсивных порядках регионов РФ» на основе результатов дискурс-анализа формулируются четыре классификации персоналистских идентификаторов, распространенных в регионах РФ.

Первым классифицирующим основанием является *социально-профессиональный критерий*, на основе которого выделяются персоналистские идентификаторы - литераторы, художники, композиторы, театральные деятели, ученые, путешественники, военные деятели (участники военных действий), политические (общественные) деятели. Количественно среди других групп преобладают персоналистские идентификаторы, относимые к классам «литераторы» и «политические (общественные) деятели». Это примечательно тем, что, если использование «политических (общественных) деятелей» в качестве идентификаторов достаточно распространено (например, в США политик, выходец из штата, особенно и в первую очередь, если он добился поста президента, часто становится региональным персоналистским идентификатором), то такая популярность «литераторов» выглядит достаточно уникальной, очевидно, в силу литературоцентризма отечественного символического пространства.

Второе классифицирующее основание - *тип связи персоналии с регионом*, на основе которого выделяются: персоналии, родившиеся в регионе; персоналии жившие и работавшие в регионе; персоналии принадлежащие к титульному этносу региона; персоналии, связанные с регионом своей деятельностью, творчеством.

Третье основание для классификации – это *место и значение персоналии для регионального сообщества*. Здесь выделяются следующие разновидности персоналистских идентификаторов: «первооткрыватели», «просветители», «великие сыны (дочери)», «правители-ностальгия», «“Герои”», воплощающие в себе рефлексю по поводу какого-либо травматического периода для региона (регионального сообщества)», «“герои” “золотого века”».

Четвертое и базовое для исследовательской модели классифицирующее основание – это *дискурсивные отношения регион – Центр*. Выделяются три основных дискурса, проводимых через персонифицированные образы, отражающих взаимоотношения Центра и региона в части политики идентичности: персоналистский идентификатор, выражающий дискурс унификации (выражается в том, что кодировка смыслов актуализированного персоналистского идентификатора выражается в логике «соподчинения» регионального идентитарного проекта – общенациональному, государственному, «центральному»); персоналистский идентификатор, выражающий дискурс партикуляризации (дискурс выражает в себе такие смыслы, которые, в отличие от унификации, направлены на символическое обособление региональной «самости» от общенационального символического пространства), персоналистский идентификатор, выражающий дискурс уникализации (выражает по своим смыслам уникальность региона без причастности к вопросу о вписывании или об отделении от общенационального пространства).

Все варианты классификаций также рассматриваются на подробных эмпирических примерах.

В третьей главе «Типология политики идентичности на основании персоналистских идентификаторов в регионах РФ» формулируется типология политики идентичности, основанной на актуализации персоналистского идентификатора, производится соотношение различных типов политики идентичности с различными вариантами региональных политических режимов в регионах РФ. Также рассматривается разнообразие региональных практик в отношении персонифицированной политики идентичности.

В первом параграфе третьей главы «Типологические вариации персоналистских политик идентичности в соотношении с региональным политическим режимом» доказывается, что ключевыми и точными критериями для типологизации политики идентичности в исследовательской модели являются – элитарная стратегия в отношении актуализации персонифицированного образа (легитимация или вынужденная идентификация) и доминирующий тип дискурса (унификация, партикуляризация или уникализация). В пересечении данных критериев выявляют себя шесть типов политики идентичности: политика идентичности, основанная на стратегии легитимации власти элиты с доминированием дискурса унификации; политика идентичности, основанная на стратегии легитимации власти элиты с доминированием дискурса партикуляризации; политика идентичности, основанная на стратегии легитимации власти элиты с доминированием дискурса уникализации; политика идентичности, основанная на вынужденной идентификации с доминированием дискурса унификации; политика идентичности, основанная на вынужденной идентификации с доминированием дискурса партикуляризации; политика идентичности, основанная на вынужденной идентификации с доминированием дискурса уникализации.

В параграфе выделенные типы политики идентичности рассматриваются как элементы регионального политического режима. Проводится анализ соотношения сформулированных шести типов политики идентичности с разновидностями региональных режимов, которые формулируются на основе модели Р.Ф. Туровского.

Приводятся примеры, которые позволяют утверждать, что в рассматриваемый хронологический период, в условиях центристских тенденций и сокращения пространства для автономии регионов в иных политических «полях» взаимодействий, символическое и идентитарное политическое пространство становится тем полем для маневров, где региональные элиты могут быть более гибкими (то есть более свободными) в своих отношениях с федеральным Центром.

Формулируется вывод, что в отношении моноцентричных регионов, добавляя в измерение тип политики идентичности, появляются основания характеризовать такие региональные политические режимы не просто как лишённые политического разнообразия и конкуренции (авторитарные), а выявлять пространства (политика идентичности, символическая политика) политического напряжения, где власть автократа может быть поставлена под сомнение и стать источником трансформации внутренней политики. В отношении регионов с полицентричной констелляцией политических акторов мы обнаруживаем в ракурсе политики идентичности то, что руководящая политическая элита использует идентитарное разнообразие и применяет разные типы политики идентичности, с целью формирования большего пространства (большого количества ресурсов) для политического торга с Центром.

Второй параграф третьей главы «Политика идентичности на основании персоналистских идентификаторов: разнообразие региональных практик» завершает рассуждения о разнообразии персоналистских идентификаторов и типов политики идентичности, структурируя все выявленные персоналии в таблицу, представленную в приложении. В таблице представлены все (на начало 2014 года) 83 субъекта РФ, которые расположены в конституционном порядке и в алфавитном порядке.

В таблице отражается также дополнительный показатель – оценка дискурсивной устойчивости персоналистского идентификатора, которая состоит из оценивания степени информационной популярности образа персоналии и институциональной устойчивости образа персоналии. Обобщение результатов анализа по данному показателю говорит о том, что стратегические усилия региональных политических элит по конструированию «культов» персоналистских идентификаторов далеко не всегда находят поддержки среди регионального сообщества, жителей региона, что выражается в низких показателях поисковой активности (количество поисковых запросов имени персоналии) жителей региона. Однако при этом очевидно, что эффективным можно считать практику присвоения имени персоналии топонимическим объектам и популярным в регионе культурным учреждениям.

В таблице отражаются результаты проведенного дискурс-анализа – классификации персоналистских идентификаторов по типу связи с регионом и их доминирующий дискурс, а также выделенные стратегии региональных политических элит в отношении персоналифицированных образов. Кроме того приведен полный перечень инструментов, которые использует политическая элита с целью актуализации образа персоналии. Обобщение результатов таблицы в этой части может говорить о некотором «минимальном наборе» тех институций, объектов или событий, которым должны быть присвоены имена актуализируемых политикой идентичности персоналий.

В таблице также отражено, является ли конкретный персоналистский идентификатор источником или предметом политико-символического конфликта в региональном сообществе. Показательно, что случаев, когда идентификатор становится источником или предметом конфликта, относительно немного. Это говорит, что гипотеза о высокой конфликтогенности персоналистского идентификатора подтверждается лишь отчасти.

Предлагаемая таблица представляет собой аналитическую конструкцию, которая является скорее матричной, многоэлементной структурой, нежели окончательно сформулированной системой. Такая структура исследовательски более эффективна в силу того, что позволяет комбинировать элементы (релевантные между собой) и делать

динамические выводы. Комбинирование элементов таблицы позволяет оценивать политику идентичности в регионе как в целом, так и детально на нескольких уровнях: на уровне идентификатора, на уровне его таксономии, на уровне дискурса или на уровне инструментария.

В заключении представлены основные результаты исследования, а также предмет и проблема настоящего исследования помещаются в более широкий аналитический контекст и предлагаются доводы о том, что изучение регионального разнообразия политики идентичности на основе персоналистских идентификаторов есть постижение постсоветской как постимперской идентитарной трансформации современного российского общества.

III. ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ

а) публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях перечня ВАК Министерства образования и науки РФ:

1) Бедерсон В.Д. Шолом-Алейхем и «вынужденный еврейский национализм» в идентичности Еврейской автономной области // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – Пермь, 2013. – №2. – С.98-104;

2) Бедерсон В.Д. «Героический пантеон» и противоречия региональной идентичности Башкортостана // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН.– Екатеринбург, 2013.– Т. 13. Вып. 2.– С. 87-98;

3) Бедерсон В.Д. Персонализируемые образы как ресурс политики идентичности в субъектах РФ // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – Пермь, 2015. – № 2. – С. 89-102;

4) Бедерсон В.Д. Многоликая политика идентичности: сравнительные характеристики персоналистских идентификаторов регионов современной России // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 1. – С. 76-90.

б) научные статьи, научные доклады, материалы научных конференций:

1) Бедерсон В.Д. Герои-«первооткрыватели» в региональной идентичности регионов Дальнего Востока / Сборник материалов по итогам V Всероссийской Ассамблеи молодых политологов. – Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2013. – С.110-114;

2) Бедерсон В.Д. «Карта нашей Родины»: региональные идентичности и имперский метод / VI Всероссийская Ассамблея молодых политологов: сб.науч.ст.. – Перм.гос.нац.исслед.ун-т. – Пермь, 2013. – С.74-78;

3) Бедерсон В.Д. Пермский политико-символический ландшафт: вычурная телесность памятников культурных героев / Город как стиль. Статьи и материалы всероссийской научно-практической конференции «Пермь как стиль: формирование современной городской идентичности в России». – Пермь: ПГГПУ. – С.81-86;

4) Бедерсон В.Д. Герои-просветители и потенциал конструирования макроидентичности регионов российской Арктики / Город невест? Брендинг территорий и региональные идентичности: материалы всероссийской научной конференции. – Иваново: Издательство Ивановского государственного университета, 2013. – С.11-15.

5) Бедерсон В.Д. В поисках героев: разнообразие персоналистских идентификаторов и политика идентичности в регионах современной России // Сборник научных трудов «Символическая политика». – Москва, 2015. – Вып. 3. – С. 192-210.

6) Бедерсон В.Д. (в соавт.) Глава 6 Внутренние стратегии позиционирования регионов российской Арктики / Российская Арктика в поисках интегральной идентичности / отв.ред. О.Б. Подвинцев. – М.: Новый хронограф, 2016. – С. 156-203.